

Н.И. Черенкова,

к-т филол. наук, доц.,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

e-mail: cherenkovanat51@gmail.com

В.И. Черенков,

д-р экон. наук, проф.,

Санкт-Петербургский государственный университет,

Институт «Высшая школа менеджмента»

e-mail: cherenkov@gsom.pu.ru

DOI 10.20339/AM.05-18.052

ДИСКУРС КАК ИНСТРУМЕНТ МЯГКОЙ СИЛЫ, МОДИФИЦИРУЮЩЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД В МАРКЕТИНГОВОЙ СРЕДЕ

Часть 2. Теоретические соображения и задачи языковых кафедр вузов¹

Рассматривается воздействие зарубежного дискурса на национальное общественное сознание, что может модифицировать национальный культурный код, равно как и социокультурное и политическое восприятие и/или поведение граждан (особенно молодежи). Рассмотрены проблемы социализации современного студенчества, включая такие ее исключительно важные при обострении геополитической борьбы формы, как политическая и геополитическая. Уточнены основные черты и значение дискурса в таких его формах, как политический и геополитический дискурс, что потребовало определения понятий: геополитическая культура и геополитический код. Кросскультурный трансфер знания, выполняемый посредством целенаправленно сконструированного дискурса, рассматривается как средство мегамаркетинговой модификации национального культурного кода и, в частности, родного языка нации. Полученные результаты приводят к пониманию дискурса как мощного инструмента мягкой силы. Отмечено исключительное влияние внешне управляемого Интернет-дискурса на все формы социализации студентов и на общую деградацию их культуры. В центр внимания поставлена задача защиты русского языка. Языковые кафедры российских университетов представлены как межцивилизационный лингвосоциокультурный интерфейс, где должна иметь место (гео)политическая социализация студентов.

Ключевые слова: геополитическая культура, геополитическая социализация, геополитический дискурс, геополитический код, Интернет-дискурс, мегамаркетинговая модификация, мягкая сила, национальный культурный код.

DISCOURSE AS A TOOL OF SOFT POWER, MODIFYING NATIONAL CULTURAL CODE IN MARKETING ENVIRONMENT

Part 2. Theoretical considerations and tasks of language departments in universities

N.I. Cherenkova is PhD (Philology), head of English Dept. at St-Petersburg State University of Economics; and **V.I. Cherenkov** is Dr. Sc. (World Economy & Marketing), prof. at Graduate School of Management of St-Petersburg University

This article examines foreign discourse impacts on national public consciousness. Such impacts could modify national cultural code as well as sociocultural and political perception and/or behavior of citizens (young people, especially). Items of socializing contemporary students are considered. Political and geopolitical socializations are under consideration as the most important forms of socialization in conditions of aggravation of geopolitical struggle. Basic features and meaning of political and geopolitical discourses have been clarified. In addition, such notations as geopolitical culture and geopolitical code are defined. The cross-cultural knowledge transfer carried out with the help of purposefully designed discourses is considered as the means of megamarketing modifying of national cultural codes as well as a native language of nation. Due to the outputs received the discourse is understood as a powerful tool of soft power. The exclusive influence of outwardly controlled Internet-discourse on all kinds of socializing students and degrading their cultural background is noted. The task of protecting the Russian language is the focus of attention. Language departments of universities are presented as a intercivilizational linguistic-sociocultural interface where the (geo)political socializing students has to have a place.

Key words: discourse, geopolitical code, geopolitical culture, geopolitical discourse, geopolitical socializing, Internet-discourse, megamarketing modifying, national cultural code, soft power.

Введение

Маркетинговая среда нации или (в более широкой трактовке) среда обитания (*habitat*) с появлением Интернета и вкпе с политической и экономической либерализацией потеряла «информационные границы», что соответствует умозрительно предсказанному [1] за три десятилетия до его реального появления планетарному феномену — метафорическая «глобальная деревня» (*global village*), в которой *все всё обо всех и всё знают*. Несмотря на попытки регу-

лирования доступа к Интернет-ресурсам (например, КНДР, Республика Корея, КНР, Тайвань, Ирак, Иран, Саудовская Аравия, Украина), нынешний мир — мир без информационных границ, где Интернет служит универсальным и гибким проводником любых *дискурсов*, ставших наиболее гибким

¹ В основу настоящей статьи положен доклад авторов «Defining Discourse as a Tool of Soft Power Modifying Socio-Cultural Environment: Theoretical Considerations and Items Relating to Academia», сделанный на IV Международной научной конференции «Развивающиеся рынки – 2017» Высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского университета, 5–7 октября 2017, Санкт-Петербург.

и эффективным инструментом *мягкой силы* в геополитической борьбе. Подтверждением тому недавние стереотипные протестные выступления в Иране, где западная пресса подчеркивает их политическую мотивацию [2].

Ранее [3] авторы показали поколенческие особенности современных студентов, а также – незрелость и уязвимость их геополитических позиций со стороны геополитического дискурса, поскольку их идеологический иммунитет не прошел цепь прививок, обычных для советского времени. Мы оперировали таким видом социализации студентов (рассматривая их как вновь входящих, или становящихся, полноправных членов общества), как геополитическая социализация [4], несмотря на то что даже понятие политической социализации недостаточно разработано в отечественной науке [5]. Можно попытаться выполнить формальное определение этого понятия. Так, согласно конвенциональному определению [6] социализация – «процесс усвоения человеком индивидом определенной системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества». Сложность определения политической социализации [7] во многом касается того, как рассматривать объект таковой социализации – пассивный или активный сторонник или активист политической системы. В конечном итоге остановимся на генезисе политической социализации [8]: «Корни политической социализации – социально-исторические, восходят к формированию государственности и складыванию человека политического как базового типа личности». Следовательно, в рамках программ обучения в высшей школе свое место изначально должны зенитам дисциплины с мировоззренческими акцентами.

В предыдущей статье [3] мы посвятили внимание проблеме сохранения национального культурного кода. Однако чтобы понять свое место на мировой арене, страна (разумеется в умах своих граждан, а не только государственных деятелей) должна иметь определенный геополитический код [9. С. 176] (мы предлагаем рассматривать этот код как составную часть национального культурного кода, значение которой резко возрастает в ходе тотальной глобализации), определяющий базовые национальные интересы, сферу влияния, характер отношений с соседями и ведущими странами мира, то есть весь спектр отношений и способов взаимодействия с внешним миром. Геополитический код, равно как и национальный культурный код в целом, находится сегодня под сильным влиянием внешнего геополитического дискурса, носителем которого является Интернет – важнейший проводник мягкой силы. Защита геополитического кода суть защита геополитической культуры, которая, на наш взгляд, обоснованно понимается [10] как формируемая не только государственными институтами, их историческим опытом и географической детерминированностью (*embeddedness*), но и всеми имеющими силу сообществами, действия которых характеризуются их *спорами* о национальной идентичности, превалирующих геополитических образах, кодифицированных геополитических традициях и тех институциональных процессов, посредством которых в государстве осуществляется внешняя политика. Из этого развернутого определения можно сделать вывод, что изменение геополитической культуры (следовательно, и национальной геополитики) может

быть гораздо легче достигнуто воздействием на *отдельные сообщества* и даже на *отдельных лиц* (лидеров мнения, агентов изменений, пассионариев), чем на государственные институты в целом. Причем создание таких сообществ/лиц при наличии Интернета отличается высокой экономической и политической эффектностью. Сопоставление этого вывода с ранее изложенными соображениями настоящей и предыдущей статьи логично приводит определению ключевой роли дискурса как инструмента мягкой силы.

Определение дискурса как инструмента мягкой силы

Среди ключевых слов этой статьи присутствуют два термина – в настоящее время недостаточно четко определяемые и не имеющие конвенционального толкования, но широко распространенные как в академических работах, так и в СМИ – *дискурс* и *мягкая сила*. Следовательно, попытка разъяснения указанных терминов необходима для дальнейшего развития настоящей статьи.

Все западные (и не только западные) политические идеологии конструируют и целенаправленно распространяют некоторый дискурс, касающийся коллективной жизни человека (от уровня социальных групп до общества в целом) и борьбы за власть [11]. Как было четко сформулировано [12], «существует (в любом обществе) дискурсивное воспроизводство власти и злоупотребление властью, а поскольку знание в значительной степени воспроизводится дискурсом, то очевидно, что известный тройной интерфейс (дискурс – знание – власть) требует детального анализа именно в форме критического исследования дискурса. Всё же нам, по крайней мере, в России, не удалось обнаружить действительно конвенционального понимания термина «дискурс» в предметной области мягкой силы. Возможно, потому что дискурс по-разному толкуется в различных предметных областях. К примеру, дискурс определяется [13] как некоторое сообщение в совокупности с прочими компонентами коммуникации, а именно: передатчик, приемник, канал, обратная связь, ситуация или контекст коммуникации. Здесь абсолютно потеряна активная социально-политическая и/или культурная роль и сила дискурса. Интернет-ресурс «Энциклопедия социологии» предлагает такое определение, которое несколько обескураживает и приводится здесь исключительно для контраста [14]: ДИСКУРС – англ. *discours*; нем. *Diskurs*. Вид речевой коммуникации, основывающийся на региональном непредвзятом обсуждении, на попытке дистанцироваться от соц. реальности». Другой Интернет-ресурс «Философский словарь» [15] приводит следующую нейтральную этимологию термина: «фр. *discours*, от лат. *Discursus* – рассуждение, довод». Однако можно найти и более активную или агрессивную этимологию [16], более соответствующую контексту настоящей статьи: «*discursio* – манёвр, набег». Последнее этимологическое толкование намного лучше раскрывает активную и даже агрессивную природу политического и геополитического дискурса, возможности которых драматически усилены в наше время сетевыми технологиями Интернета, где «политический дискурс обнаруживается в неполитическом контексте» [17].

Догадка об использовании дискурса как инструмента мягкой силы была сделана еще до появления самой концепции мягкой силы при определении собственно дискурса [18]: «дискурс – это первоначально особое использование языка... для вербального выражения определенной ментальности или идеологии; за чем следует активизация некоторых характерных черт языка, особая грамматика и вокабуляр, что, в свою очередь, создает особый семиологически-семиотический мир». Какой тип этого виртуального мира будет создан, это зависит от контента и структуры и в конечном итоге от идеологии дизайнера этого дискурса и, для нашего случая, от его геополитических целей.

Надо сказать, что в целях настоящей статьи нам более всего импонируют следующие, соответствующие социолингвистическому подходу, компоненты определения дискурса (по П. Серио) [19]: воздействие высказывания на получателя с учетом ситуации высказывания, которая подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания; влияние социальной или идеологической позиции на определенные системы ограничений, которые налагаются на неограниченное число высказываний. В конечном итоге, опираясь на определения политического дискурса [20] мы предлагаем определять *геополитический дискурс* как глобальную целенаправленную агрегированную систему преимущественно вербальных коммуникаций, позволяющую дизайнерам данного дискурса формулировать и осуществлять имплицитный и эксплицитный трансфер соответствующих идеологием, предназначенных модифицировать национальный культурный код целевой жизненной среды и тем самым обеспечивать доминирование искусственно привносимых инородных ценностей над фактами функционирования жизненной среды, что должно инспирировать у населения стремление к иррациональным и, часто, радикальным социально-экономическим и политическим изменениям, конечная цель и истинные бенефициары которых эмоционально закамуфлированы для основной массы населения.

Уместно вспомнить, что во время так называемой «перестройки» и вплоть до первого президентства В.В. Путина российские СМИ, равно как и общественное сознание, были переполнены двумя противоречивыми дискурсами [21]: «Перестройка породила ряд социальных движений и протопартий, описываемых в то время как возрождение гражданского общества. Однако наиболее заметной особенностью оппозиционных движений того времени было то, что можно назвать «умирающий, или терминальный дискурс», вера в неизлечимую природу советского проекта и его неизбежный коллапс». Этот «терминальный дискурс» заполнял в то время почти все советские СМИ и в конечном итоге общественное сознание СССР. Напротив, следует отметить, что в то же самое время в США имел место «триумфальный дискурс», который означал, что кончина советского проекта была преднамеренным действием, разработанным и выполненным президентом Р. Рейганом. Естественно, под воздействием тяжелой экономической ситуации и указанного терминального дискурса население России в 1990-е гг. было охвачено чувством беспомощности и национального унижения. Возможно, такое применение соответствующего задаче разрушения советского общества дискурса, генери-

ровавшегося из-за рубежа и мультиплицированного внутри страны, как раз и явилось примером выдающейся эффективности и результативности. Перефразируя В.И. Ленина, можно было сказать, что контрреволюция о необходимости которой столько говорил З. Бжезинский, свершилась.

Мягкая сила, включающая в себя такой инструмент как дискурс, активно (хотя часто неправильно, что особенно характерно для России) используется политиками, журналистами и академическими работниками во всем мире. В соответствии с определением этого термина, сконструированного и запущенного в научный оборот Дж. Наем [22], «мягкая сила означает заставить других захотеть тех же результатов, которых хотите вы, а также требует понимания, как они внимают вашим сообщениям и настроены ли они на них соответствующим образом» [23. Р. 11]. Иными словами, *инструментарий мягкой силы* в рамках геополитики может быть истолкован как ряд ресурсов одной страны (или союза стран), который может привести к способности воздействовать на какую-либо другую нацию посредством невоенных, а культурных и экономических средств (не столько санкций, сколько иностранной помощи) создания определенного порядка, убеждения и установления позитивного притяжения в целях достижения предпочтительных политических/экономических результатов в подвергаемой воздействию стране в пользу страны (группы стран) применяющей эту мягкую силу. Соответствующим образом сконструированный дискурс, на наш взгляд, занимает центральное место среди эксплицитных и имплицитных культурных инструментов мягкой силы.

Для подтверждения действенности целенаправленного (политического, геополитического) дискурса обратимся к гипотезе Сапира-Ворфа [23], согласно которой утверждается, что существуют некоторые мнения (соображения) индивидуума, выраженные на языке А, которые не могут быть (по меньшей мере, адекватно) поняты теми, для которых родным языком является язык В. Из этой гипотезы выводятся два принципа. *Первый – лингвистический детерминизм*: используемый язык определяет – до некоторой степени – те особенности, на основании которых оценивается и составляется представление об окружающей среде. *Второй – лингвистическая относительность*: люди, которые говорят на разных языках, воспринимают и составляют представление об окружающей среде по-разному. До сегодняшнего дня эта гипотеза не была ни подтверждена, ни отвергнута. Однако, оставив в стороне софистику этого социопсихолингвистического пассажа, мы хотели бы привлечь внимание к тому факту, что исторически язык коммуникации всегда оказывался в центре борьбы между разными идеологиями (в т. ч. религиозными). Так, католики ранее молились исключительно на латинском, а ортодоксы – на греческом. В наше время именно английский язык (преимущественно американская, а не британская версия) завоевал титул *lingua franca* и в упрощенном варианте вокабуляра (около 1500 слов) именуется *Globish* [25]. Распространенные варианты *Globish* для носителей различных языков, с учетом вышеприведенных принципов Сапира-Ворфа, подчеркивают роль английского языка как глобального переносчика иноязычных и, следовательно, инородных идеологических и политических норм и ценностей PAX AMERICANA. Заметим, что исторически особенности

внешней политики России существенно зависели от того, на каком языке преимущественно говорили представители российских элит.

В результате знаковая структура языка (понимаемая здесь как политический дискурс [26. С. 37] определяет те особенности, в рамках которых говорящий на данном языке оценивает мир или, по меньшей мере, эта структура если и не определяет мировоззрение, то все же оказывается крайне влиятельной на предрасположение говорящего на некотором языке к принятию соответствующего этому языку мировоззрения [27]. Таким образом, глобальная коммуникативная среда, где в начале 2018 г. 51,3% всех веб-сайтов работали на английском языке [28], имеет шансы перекодировать национальные культурные коды (понимаемые авторами как абстрактно формализованную матрицу идеологии или мировоззрения). Полюса, или источники, дискурсов перекодирования, в соответствии с концепцией маркетинга ТНК, совпадают с центрами геополитической силы, ранее определявшимися топологией Триады (США–ЕС–Япония) [29], а ныне во все большей степени определяются идеологией PAX AMERICANA.

Дискурсивная мягкая сила и угрозы мегамаркетинговой модификации национального культурного кода

Похоже, жесткая сила в наше время (введение экономических санкций, угроза войной или военные действия) рассматривается на геополитической арене как менее эффективный и обоюдоопасный инструмент достижения геополитических целей по сравнению с мягкой силой. С позиций языковых кафедр, которым не чужда социолингвистика, мягкую силу следует толковать как гибкий и «латентный» инструмент перекодирования как национального сознания, так и отдельного человека посредством модификации национального культурного кода. Понимая множество целей такой деструктивной работы агрессивного дискурса, остановимся на одной из важнейших целей. Это – национальная система образования, которая может рассматриваться (особенно в случае высшей школы) как часть социального лифта или дорога в состав национальных элит, которые определяют внутреннюю и внешнюю политику в соответствии с механизмом современной демократии. *Сегодняшние студенты* и их геополитическая социализация [4] определяют будущее России. Поэтому кафедры английского (и русского) языка отечественных вузов могут рассматриваться как интерцивилизационный лингвосоциокультурный интерфейс, где проходит согласование различных дискурсов. Поэтому там должно иметь место защита и укрепление национального культурного кода России. В конечном итоге персональное восприятие *внешнего мира* опосредуется как родным, так и оригинальным языком дискурса. Таким образом, в упрощенной последовательности осознания вербальной информации «**получение – оценка** (посредством сравнения контента сообщения с культурным кодом индивидуума) – **действие**» доминирующая роль принадлежит родному языку индивидуума и множеству ассоциаций, создающих гипертекстовую структуру имплицитного понимания основного сообщения.

Любой взлом (крекинг) национального культурного кода осуществляется через язык. Следовательно, защита национального языка составляет важнейшую задачу защиты национального культурного кода (состояние которого у современных студентов было представлено нами в предыдущей статье [3]). Поэтому подбор оригинальных англоязычных учебных материалов на кафедрах английского языка требует как избирательности, так и критического анализа этих материалов со студентами. С другой стороны, овладение студентами «великим и могучим» языком во всем его богатстве должно укреплять национальный культурный код и выработать у студентов иммунитет к его крекингу. Последнее составляет задачу кафедр русского языка, роль которых в экономических вузах сегодня сведена к минимуму.

Обратимся к роли языка в самоидентификации принадлежности индивидуума к нации. Судя по различным точкам зрения, обнаруживаемым в отечественной литературе [е.г., 30, 31, 32], в общественном сознании России нет единства по поводу известного сталинского определения нации [33]: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. Только наличность всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию». Сформулированное И.В. Сталиным еще в 1913 г. это содержательное на первом месте *общий язык* определение нельзя считать устаревшим и сегодня. В западной литературе также отмечается, что язык играет интегральную роль в создании нации и образовании национальной идентичности многоэтничных обществ [34]. Действительно, общий для страны язык должен рассматриваться как важнейшая составляющая культурного кода нации, а не только как инструмент коммуникации и познания [35]. Именно понимание роли языка в устойчивости национального культурного кода вызвало первичную попытку изменения статуса русского языка на Украине (2014). Всемирная распространенность английского языка начиналась с создания глобальной Британской колониальной империи, «над которой никогда не заходит солнце». Это можно считать триггером, запустившим длящийся до сих пор всеукраинский кризис, имеющий признаки гражданской войны. Впрочем, принимая во внимание число русскоговорящих политиков и граждан Украины с крайне антироссийской ориентацией, вытеснение русского языка из сферы образования и культуры в целом – политика, работающая на перспективу деформации на Украине распространенного во многих регионах национального культурного кода родственного российскому.

Наконец, чтобы показать агрессивное направление трансформации мягкой силы, приведем следующую обширную цитату, свидетельствующую о задачах и конечной цели так называемого «внешнего управления» формированием культурно-языковой политики на Украине: «Преодолеть постколониальный статус украинского языка, истории и культуры Украины в целом: должны стать успешными обстоятельная проработка опыта преуспевающих НГО, чьи подходы к продвижению всех форм культурного наследия как общего источника национальной памяти, социального примирения, взаимопонимания, сплоченности, идентичности и хорошо налаженное совместное творчество, в целях

внедрения их в национальную культурную политику. Это станет консолидирующим фактором, который *во время военной конфронтации* [курсив наш. – Авторы] послужит в качестве важной компоненты национальной безопасности Украины» [36]. Здесь видна конечная цель применения инструментов мягкой силы – подготовка перехода к жесткой силе.

Эффективность и результативность применения мягкой силы в геополитическом контексте зависит от восприимчивости граждан к новой идеологической матрице (социокультурному коду) или к модификации старой. По аналогии с психологическим или маркетинговым расстоянием задача замены или модификации национального культурного кода в значительной степени зависит от значения социокультурных измерений между маркетинговой средой страны-генератора дискурса и целевой страны для данного дискурса. В шаблоне энвиронментального маркетингового исследования и анализа HELPS FREDICT [3] произошло выделение языка в отдельное измерение маркетинговой (жизненной) среды. Думается, что это отражает генеральную роль языка как коммуникативного медиатора любых дискурсов.

Как было отмечено ранее, структура языка действительно определяет тот способ, которым говорящие на данном языке судят о мире или, избегая столь сильного утверждения, эта структура языка не столько определяет мировоззрение, сколько оказывается исключительно влиятельной в предрасположении лиц, говорящих на некотором языке по отношению к принятию ими некоторого мировоззрения [27. Р. 221–222]. Вербализация любой политической задачи в теле (основном контенте) дискурса имеет место в обеих группах инструментов мегамаркетинга ТНК – лоббирование и интегрированная маркетинговая коммуникация. Аналогия мегамаркетинга ТНК в контексте геополитического маркетинга может быть отнесена к таким видам маркетинговой деятельности, которые необходимы для управления определенными измерениями целевой зарубежной маркетинговой (жизненной) среды, осуществляя попытки мониторинга и модифицирования этих измерений. Эти измерения внешней маркетинговой (жизненной) среды могут быть политическими, правовыми и технологическими. Последняя группа маркетинговых измерений особенно важна для нашего случая, поскольку мы полностью принимаем точку зрения специалистов по культурному кодированию Беларуси, Молдовы и Украины [36. Р. 7, 17], согласно которой в современном обществе именно технологии являются не только основными формирователями материальной инфраструктуры общества, но и культуры. Причем процесс этот предполагает «переход от *статической* концепции культуры, где основные элементы являются наследием *высокой* классической культуры, основанной на традициях этнической (народной) культуры к динамической концепции культуры, соответствующей 21 веку» [36. Р. 3]. Тем самым подтверждается, что существенно интегрированные маркетинговые коммуникации, носителями которых выступают СМИ (особенно Интернет) служат интересам организованного и финансово поддерживаемого проекта культурного перекодирования «стран Восточного партнерства». Поэтому инструменты и технологии маркетингового энвиронментального сканирования и анализа должны оказаться подходящими как для выработки соответствующих

активных (агрессивных, атакующих) геополитических дискурсов, так и средств защиты от воздействия последних.

Цифровая сетевая революция – одно из достаточных условий глобализации – сместила информационные контакты людей в новый виртуальный мир и обеспечила их сегментирование в социальных сетях Интернета. Фактически, люди стали цифровыми аддиктами или, даже, «рабами Сети», судя по тому времени, сколько они проводят в Сети. Интернет-пространство стало наиболее важным театром информационной войны [37], что подтверждается следующим:

- ◆ огромным и все растущим числом пользователей Интернета [38] – 3,58 млрд чел. (18.09.2017), в т.ч. в России – 87,5 млн чел.;
- ◆ тем, что пользователи само-сегментированы по интересам и взглядам и, кроме того, легко таргетируются по форумам, сообществам;
- ◆ тем, что иллюзорная анонимность пользователей создает подмену ценностей, реализуя своеобразный эффект карнавализации [39], проявляющийся в полярной переоценке ценностей национального культурного кода;
- ◆ сетевым эффектом в виде многократного отражения (репостинга) фейковых сообщений, которые в результате начинают восприниматься непросвещенными и некритичными пользователями как отражение реальности.

В итоге [40] сложились все необходимые технологические возможности осуществления внешнего воздействия на большие группы пользователей Интернета с целью формирования выгодных субъекту воздействия ценностей, кодов, моделей представления и поведения. Таким образом, геополитический дискурс, мультиплицированный виртуальным пространством Интернета, приобретает невиданную силу.

Потенциальные возможности языковых кафедр для геополитической социализации студентов

Уже отмеченная выше роль языковых кафедр в противодействии внешней агрессивной мягкой силе, медиатором которой является геополитический дискурс, может быть подтверждена следующим тезисом, представляющим собой компиляцию из допущений Э. Сэпира [41]: язык не существует отдельно от культуры, т.е. от социально унаследованной сборки обычаев и верований, которые определяют текстуру нашей жизни и, в определенном смысле, язык является «путеводителем по социальной реальности». Любопытно сравнить роль языка в истории двух огромных азиатских стран Индии и Китая. Первая приняла язык и культуру метрополии – Великобритании. И какая из этих стран сегодня впереди! Культурный империализм идет рука об руку с военным и экономическим. Критика культурного империализма в плане критики концепции общества потребления присутствует в работах более или менее «левых» академических работников развитых стран. Не имея намерения подробно рассматривать здесь концепцию культурного империализма, мы останавливаемся лишь на связи языка и дискурса в системе высшего образования.

В качестве исходной точки для определения роли и задач языковых кафедр российских вузов в защите от агрессивных инородных дискурсов можно взять следующее теоретиче-

ское положение [42]: «Языки не являются чем-либо заранее созданным, что существует вне человеческого понимания, чем они являются и что они делают. Они представляют собой *идеологические конструкторы*, которые служат различным целям [курсив наш. – Авторы]». Как установлено выше, любой хорошо сконструированный дискурс представляет собой инструмент, или оружие, мягкой силы. Однако, как и любое оружие, в зависимости от того, в чьих руках оно находится, геополитический дискурс может быть как наступательным, так и оборонительным. Дискурс может служить как разрушению/ модификации, так и защите/ сохранению национальных культурных кодов. Так, в соответствии с давним допущением Бурдьё [43. Р. 191–192], каждая личность обязана своим становлением определенному типу обучения, который она получила в виде определенным образом кодируемого оригинал-шаблона (*master pattern*).

Следовательно, по этой теории, обучение действительно имеет собственную власть над формированием сознания в дополнение к власти семьи, но ясно, что эта роль школы признается как активная, а не просто пассивная в ее «формальном узаконении» приобретаемого в семье габитуса. Это положение могло бы быть расширено на случай переноса личностью кодируемого оригинал-шаблона (воспринятого личностью культурного кода в виде «нормы») при переходе из сферы средней в сферу высшей школы. Фактически, любая национальная система образования является (или должна являться) системой воспроизводства национального культурного кода; она укрепляет и совершенствует культурные понятия (идеи), воспринятые вне формальных установок обучения [44]. Таким образом, любой абитуриент вуза уже «запрограммирован» в соответствии с определенным культурным кодом, приобретенным в течение предыдущего периода жизни и, по сути, являющегося суперпозицией ряда культурных кодов, причем процесс этот продолжается все время обучения в вузе. Современная картина суперпозиции воздействий на национальный культурный код студента имеет противоречивый и довольно хаотичный характер. С одной стороны, в рамках университета, имеет место имплицитное/ эксплицитное воздействие геополитического дискурса, несущего традиционный национальный культурный код, генерируемый, в частности профессорско-преподавательским составом, а с другой – как концентрированного, так и дисперсного антагонистического геополитического дискурса, несущего как минимум идеологию общества потребления. Заметим, что с учетом весьма значительного времени, проводимого студентами в Сети, длительным отсутствием систематизированной воспитательной работы и недостатком соответствующих общественных организаций, а также специфической формулировкой Ст. 13 Конституции РФ результат противодействия альтернативных дискурсов неоднозначен.

Заключение

Во-первых, несмотря на твердое убеждение в том, что авторы хотели бы защитить себя от возможных обвинений в ксенофобии или склонности к «авторитарному советскому режиму» и возврату Главлита. Поэтому – в полном соответствии с самим духом настоящей статьи – приглашаем в

качестве защитника «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык». Не надо быть каким-то знатоком в области этимологии, чтобы знать о множестве вкладов (лексических единиц), заимствованных из иностранных языков (культур) и принятых в теле русского языка. От пушкинского «Но панталоны, фрак, жилет. Всех этих слов на русском нет» до современных заимствований – «байт», «маркетинг», «смартфон», числа которым нет. Это – нормальный процесс освоения новой культуры с ее терминологической парадигмой. Российская культура, как культура, синтезированная на «перекрестке» цивилизаций Запад-Восток и рассматриваемая как культура Евразийская, *избирательно* переплывала массу иностранных культурных заимствований. Это находит себе подтверждение в повседневном российском вокабуляре, который является по своей природе интегрально мультикультурным. В то же время не следует забывать, что русский язык как семиотическая система (отображающая национальный культурный код), обеспечивает жизнеспособность и устойчивость российской культуры, ее формирование и функционирование и в конечном итоге «выступает гарантом существования и сохранения национальной специфики, способствует становлению языкового сознания исторически сложившейся общности людей на базе их этноязыковой и национально-культурной идентичности» [45. С. 3–4].

Таким образом, в своем призыве к защите русского языка как носителя национального культурного кода, авторы призывают не к национальной ограниченности и ксенофобии, а скорее к борьбе против глобального распространения лингвистического примитивизма масскультуры, справедливо получившей себе имя *McCulture* [46]. Систематическое и взвешанное (подкрепляемое многократно сочинениями и изложениями) чтение русской классической литературы и изучение российской риторики помогало предшествующим поколениям усвоить и закрепить соответствующий национальный культурный код или, иными словами, приобрести некоторое подобие идеологического иммунитета. К несчастью, современное состояние вопроса с преподаванием и постижением молодежью русской классической литературы ставит больше вопросов, чем дает ответов [47]. Именно языковые кафедры могут и должны создавать *интерфейс* защиты национального культурного кода России, поскольку с позиций лингвистики и лингвокультурологии мягкая сила – реализуемая через соответствующим образом сконструированный дискурс – рассматривается как эффективный инструмент «перекодирования сознания человека посредством, в частности, разрушения национального культурно-исторического ядра и переустройства социальной памяти» [7].

Совокупность языковых кафедр в российской высшей школе – английского и русского языка – можно рассматривать как некоторый виртуальный институт («межцивилизационный лингвосоциокультурный интерфейс»), где могут и должны иметь место не только критические мнения и сожаления относительно утраченного «высококультурного» прошлого, но и научные исследования и практическая работа в области воспитания студентов как по защите национального культурного кода, так и в области детермини-

рованной геополитической социализации. В деятельности этих кафедр представляется наиболее предпочтительным имплицитное воздействие через дискурс, носителем которого являются критически представляемые учебные материалы, собственно конструктивный процесс обучения и персональный контакт профессорско-преподавательского состава (как вариант – забытое кураторство).

Рассматривая целевую функцию национальной образовательной системы как совокупность функции обучения и функции воспитания и сравнивая с современным состоянием в России, логично сделать вывод о необходимости восстановления полноправия второй из них, что особенно критично с учетом воздействия внешнего «недружественного» дискурса. Наиболее перспективный путь к восстановлению последней функции видится в форме использования некоторых педагогических подходов и методов, извлекаемых из педагогического наследия прежней советской высшей школы и адаптируемых к современным условиям (предпочтительно со сдвигом от эксплицитных к имплицитным методам). Должна быть принята в расчет тотальная цифровая сетезация новых поколений, чтобы правильно выбирать те «точки доступа», которые пригодны для запуска такого дискурса, который способствует укреплению российских культурных кодов и формированию защитной геополитической социализации студентов.

Здесь важно построить мэппинг современных акторов геополитики, поскольку с мета- и макроуровня глобальной маркетинговой среды (страны и объединения стран)

нексус включил в себя мезоуровень корпораций, партий, общественных движений и, что требует особого внимания и изучения, микро- и наноуровень виртуального домена этой среды (от сообществ в социальных сетях до отдельных мегафолловерных блогеров). С тем чтобы проектировать и реализовывать задачи геополитической социализации студентов в частности и воспитания в духе национального культурного кода России в целом, изначально необходима организация целевых исследований и соответствующего мониторинга (особенно, в Интернете).

Однако в условиях рыночной экономики России, намеченная в настоящей статье работа требует не только административной, но и финансовой поддержки. В конечном итоге необходимы и специальные функционеры. Ведь были в нашей истории и дядьки в Царскосельском лицее и соответствующие организации в средней и высшей школе. И людей этих в современных сложных условиях борьбы с мягкой силой надо готовить и готовить на самом высшем уровне.

В завершение статьи авторы, памятуя об особой роли и ответственности профессорско-преподавательского состава языковых кафедр (да и в целом особо незатронутых здесь кафедр общественных наук) хотели бы подчеркнуть извечность положения о том, что *наставляющий, или воспитывающий, дискурс* (предстающий в завершающей цитате как *Слово*) является *fundamentum regnorum* бытия с давних времен, ибо: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [Иоанн 1:1].

Литература / References

- McLuhan, M. Fiore, Q., Ageļ, M. (1968) War and Peace in the Global Village. New York: Bantam Books.
- Lister, T. (2018) Protests die down, but the anger in Iran won't go away, CNN, January 5. URL: <http://edition.cnn.com/2018/01/05/middle-east/iran-protests-analysis-lister-intl/index.html>
- Черенков В.И., Черенкова Н.И. (2018) Некоторые вопросы восстановления воспитательной функции в российской высшей школе (маркетинговый подход к геополитической социализации студентов) // Alma mater (Вестник высшей школы). – № 4. – С. 79–86. DOI 10.20339/AM.04-18.079
- Cherenkov, V.I., Cherenkova, N.I. Some problems of renewal of breeding function at Russian high school (marketing approach to geo-political socialization of students). *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2018, no. 4, pp. 79–86. DOI 10.20339/AM.04-18.0790
- Абдуразаков Р.А. (2015) О концепте «геополитическая социализация» и необходимости его постановки в текущих политических условиях. URL: http://issledo.ru/wp-content/uploads/2015/08/Sb_k-4-4.pdf
- Abdurazakov, R.A. On the concept of "geo-political socialization" and necessity of it's raising in current political conditions. URL: http://issledo.ru/wp-content/uploads/2015/08/Sb_k-4-4.pdf
- Щеглов И.А. (2015) Политическая социализация как проблема политической теории // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18.
Schtscheglov, I.A. Political socialization as the problem of political theory. *Theory and practice of social development*. 2015, no. 18.
- Большая советская энциклопедия. – М., 1976.
Complete Russian encyclopedia. Moscow, 1976.
- Голобородько А.Ю. (2015) Лингвокультурологическое измерение государственной культурной политики: от текста культуры к дискурсу «Мягкой силы». Краснодар.
Goloborodko, A.Yu. *Lingua-culturologic dimension of state culture policy: from the text to discourse of "Soft power"*. Krasnodar, 2015.
- Щеглов И.А. (2017) Проблема политического в теории политической социализации // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 1.
Schtscheglov, I.A. The problem of political in theory of political socialization. *Society: politic, economic, law*. 2017, no. 1.
- Политическая социология (2014). Часть 2. Социальные механизмы международных отношений. Архангельск.
Political sociology. Part 2. Social mechanisms of international relations. Arkhangelsk, 2014.
- O'Loughlin, J., ÓTuathail, G., Kolossov, V. (2005) Russian Geopolitical Culture and Public Opinion: The Masks of Proteus Revisited. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/d00d/a5456b33289d400a6d49e1f036230c7f17f4.pdf>
- Gosselin, P.B. (1986) A Cybernetic Approach to the Definition of Religion. URL: http://www.samizdat.qc.ca/cosmos/sc_soc/tm_pg/ch2_eng.htm#fnB15
- Teun, A. Van Dijk (2008) Discourse, knowledge, power and politics: Towards Critical Epistemic Discourse Analysis Lecture CADAAD, Hertfordshire. URL: <https://repositori.upf.edu/bitstream/handle/10230/20021/WORKING%20PAPERS%20TEUN%20VAN%20DIJK.pdf?sequence=1>
- Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). – М., 2005.
Dobrosklonskaya, T.G. Problems of studying of media-texts (experience in research of current English media-speech). Moscow, 2005.
- Энциклопедия социологии [Encyclopedia of sociology]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/>
- Философский словарь [Philosophical dictionary]. – URL: http://www.endic.ru/enc_philosophy/Diskurs-2595.html
- Латинско-русский словарь. – М., 1976.
Latin-Russian dictionary. Moscow, 1976.
- Wojcieszak, M.E., Mutz, D.C. (2009) Online Groups and Political Disagreement: Do Online Discussion Spaces Facilitate Exposure to Political Disagreement? URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.458.5699&rep=rep1&type=pdf>

18. Seriot P. (1985) Analyse du discours politique sovietique. Revue des Études Slaves, Paris.
19. Оломская Н.Н. (2011) Прагматические и функциональные аспекты формирования дискурса PR (на материале исследования теледискурса, радиодискурса, компьютерного дискурса и рекламного дискурса. – Краснодар.
- Olomskaya, N.N. Pragmatic and functional aspects of formation of discourse PR (on material of research in TV-discourse, radio-discourse, and advertising discourse). Krasnodar, 2011.
20. Андрияхина Т. (2013) Язык власти и власть языка / Право и управление XXI век.
- Andryukhina, T. Language of power and power of language. In: *Law and administration 21st century*. 2013.
21. Sakwa, R. (2013) The Soviet collapse: Contradictions and neo-modernisation, *Journal of Eurasian Studies*, 4, pp. 65–77.
22. Nye, J.S.Jr. (1991) Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. NY: BasicBooks.
23. Nye, J.S.Jr. (2004) Wielding Soft Power. In: Nye, J.S.Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. URL: http://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/joe_nye_wielding_soft_power.pdf
24. Hussein, B. Al-Sheikh (2012) The Sapir-Whorf Hypothesis Today, *Theory and Practice in Language Studies*. Vol. 2, no. 3, pp. 642–646.
25. Nerrier, J.-P., Hon, D. Globish The World Over. URL: <http://www.globish.com>
26. Ключев Ю.В. (2010) Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия. С.-Петербург. Klyuev, Yu.V. Political discourse in mass communication: analysis of public interaction. St. Petersburg, 2010.
27. Wardhaugh, R. (2002). An introduction to sociolinguistics. Oxford: Blackwell Publishers.
28. Usage of content languages for websites (2018). URL: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language/all
29. Ohmae, K. (1985) Triad Power, The Coming Shape of Global Competition. The Free Press, New York.
30. Филиппов В.Р. «Теория нации» И. Сталина и ее влияние на отечественную этнологию [Filipov, V.R. "Theory of nation" by I. Stalin and its influence on national ethnology]. – URL: <http://litceysel.ru/>
31. Шрамко С.И. Отец народов и его определение нации [Sramko, S.I. The father of peoples and his definition of nation]. URL: <https://www.proza.ru/2013/07/23/1515>
32. Соколовский С.В. «Итальянские корни» советской теории этноса [Sokolovsky, S.V. "Italian cores" of Soviet theory of ethnos]. URL: <http://postnauka.ru/longreads/8877>
33. Большая Советская энциклопедия. – Т. 31. – М., 1934. Complete Soviet encyclopedia. Vol. 31. Moscow, 1934.
34. Gill, S.K. (2014) Language Policy Challenges in Multi-Ethnic Malaysia, *Multilingual Education* 8, Springer Science+Business Media Dordrecht.
35. Замалетдинов Р.Р., Замалетдинова Г.Ф. Язык – культурный код нации и ключ к культуре всего человечества // *Филология и культура*. – 2012. – № 2 (28).
- Zamaletdinov, R.R., Zamaletdinova, G.F. Language as culture code of nation and key to culture of entire mankind. *Philology and culture*. 2012, no. 2 (28).
36. Cultural Code of Eastern Partnership (2015). URL: http://www.kultura.org.ua/wp-content/uploads/Publication_concept_road_maps_eng.pdf
37. Molander, R.C., Riddile, A.S., Wilson, P.A. (1996) Strategic information warfare: a new face of war. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2005/MR661.pdf
38. Usage of content languages for websites (2018). URL: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language/all
39. Иванова С.В., Артемова О.Е. Роль карнавализации в идентификации культурного кода (на материале современного американского медиадискурса) // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. – 2011. – № 1. – С. 125–136.
- Ivanova, S.V., Artemova, O.E. The role of carnivalization in identification of culture code (on material of contemporary American discourse). *Vestnik of Leningrad state university n.a. A.S. Pushkin*. 2011, no. 1, pp. 125–136.
40. Коновалов Л.В. Разрушительные последствия развития Интернета [Kononov, L.V. Destroying consequences of development of Internet]. URL: <https://www.twirpx.com/file/2107846/>
41. Thanasoulas, D. (2001). Radical Pedagogy: The importance of teaching culture in the foreign language classroom. URL: http://radicalpedagogy.icaap.org/content/issue3_3/7-thanasoulas.html
42. Pennycook, A. (2012) *Lingua Francas as Language Ideologies*. In: *English as an International Language in Asia: Implications for Language Education*. URL: <http://www.springer.com/gp/book/9789400745773>
43. Bourdieu, P. (1971) Systems of education and systems of thought. In: *Knowledge and Control: New Directions in the Sociology of Education*. London, Collier-Macmillan.
44. Teekens, H. (2003) The Requirement to Develop Specific Skills for Teaching in an Intercultural Setting. *Journal of Studies in International Education*. Vol. 7, no.1, pp. 108-119.
45. Язык как культурный код нации. – СПб, 2014. Language as culture code of nation. St. Petersburg, 2014.
46. Najafi, H. (2015) McDonaldization, Society, and Education International. URL: <http://mpa.ub.uni-muenchen.de/12547/>
47. Кузьменкова В.А. Роль произведений русской классической литературы в курсе «Русский язык и культура речи» [Kuzmenkova, V.A. The role of works of Russian classic literature in the course of "Russian language and culture of speech"]. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/37971485/>